

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/79/10

**«Пишу зеленой пастой»:
цвет чернил как элемент презентации и интерпретации
эпистолярных памятников (на материале цикла писем
В. М. Шукшина к М. С. Якутиной)**

Дмитрий Владимирович Марьин

Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Россия

dvmariyin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Аннотация

На примере анализа цикла писем В. М. Шукшина к М. С. Якутиной показана роль цвета чернил (как одного из компонентов графической составляющей эпистолярного текста) в интерпретации писем и их презентации в процессе издательской деятельности и в музейном экспонировании. Автор доказывает, что в письмах В. М. Шукшина к М. С. Якутиной разный цвет чернил создает целый спектр семантических связей и интертекстуальных переключек, который позволяет писателю и кинорежиссеру полнее эксплицировать собственные мысли, чувства, впечатления от сновидений и воспоминания, навеянные общением с другом молодости. Основываясь на результаты проведенного анализа, автор делает вывод, что в случае первой публикации значимых эпистолярных текстов необходимо прилагать их факсимиле, а в комментарии указывать цвет чернил и / или другие графические особенности (например, средство / способ письма: шариковая ручка, карандаш, печать на машинке / принтере; наличие рисунков, вид бумаги – писчая, для рисования и т. д.). В случае если по каким-либо причинам в музее экспонируются не оригиналы, а фотокопии писем, то следует использовать цветные фотокопии.

Ключевые слова

русская литература, текстология, параграфемные элементы, эпистолярный, жизнь и творчество В. М. Шукшина, чернила

Для цитирования

Марьин Д. В. «Пишу зеленой пастой»: цвет чернил как элемент презентации и интерпретации эпистолярных памятников (на материале цикла писем В. М. Шукшина к М. С. Якутиной) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 132–143. DOI 10.17223/18137083/79/10

© Марьин Д. В., 2022

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 132–143

Siberian Journal of Philology, 2022, no. 2, pp. 132–143

**“I write with green paste”:
ink color as an element of presentation and interpretation
of epistolary documents (based on the material of the cycle of letters
by V. M. Shukshin to M. S. Yakutina)**

Dmitrij V. Maryin

Altai State Agrarian University
Barnaul, Russian Federation
marin@mail.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9333-4661>

Abstract

This paper shows the role of ink color as one of the elements of the graphic component of the epistolary text in interpreting letters and presenting them in the process of publishing and museum exhibiting. The analysis was made of a cycle of letters by famous Russian writer V. M. Shukshin to M. S. Yakutina. It is proved that different ink colors create an entire spectrum of semantic connections and inter-textual echoes, allowing the writer to express his thoughts, feelings, impressions of dreams, and memories inspired by communication with a friend of youth in a more comprehensive way. The unity of the addressee and thematic commonalities and regular references from later letters to earlier ones allows uniting them into a cycle of three letters. For each letter, Shukshin uses a different ink color: black, green, and red, with each color implying certain semantics: black – the restoration of communication; green – hope and youth; red – repentance and death. The analysis results provide a conclusion that when publishing significant epistolary texts for the first time, it is necessary to attach facsimile and indicate the color of ink and/or other graphic features in the commentary, for example, way of writing: ballpoint pen, pencil, typed/printer; the presence of drawings, the type of paper: writing or drawing paper. In addition, when photocopies rather than originals are exhibited in the museum, color photocopies should be used.

Keywords

Russian literature, the life and work of V. M. Shukshin, textual criticism, paragraphemic elements, epistolary, ink

For citation

Maryin D. V. “I write with green paste”: ink color as an element of presentation and interpretation of epistolary documents (based on the material of the cycle of letters by V. M. Shukshin to M. S. Yakutina). *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 132–143. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/79/10

Эпистолярный – важная и нередко значительная по объему часть творческого наследия писателя. Как известно, в полном собрании сочинений Л. Н. Толстого было опубликовано 8 500 писем, которые заняли тридцать томов, т. е. третью часть всего девяностотомного издания. Из тридцати томов академического собрания сочинений А. И. Герцена письма содержатся в десяти томах.

Эпистолярное наследие В. М. Шукшина охватывает двадцать пять лет жизни писателя (1949–1974) и, как можно предположить, насчитывает не менее двухсот писем. В настоящее время опубликована большая часть шукшинского эпистолярного наследия – 153 письма, телеграммы и поздравительные открытки – почти всё из того, что доступно на сегодняшний день исследователям жизни и творчества Василия Макаровича [Шукшин, 2014, т. 8, с. 212–309]. Любые вновь открытые письма В. М. Шукшина вызывают интерес исследователей его творчества, тем более когда речь идет о целом эпистолярном цикле. В 2018 г. в фонды Всероссийского

мемориального музея-заповедника В. М. Шукшина в с. Сростки Алтайского края поступили 3 письма В. М. Шукшина к М. С. Якутиной.

Майя Семеновна Якутина (р. 1930) в 1952 г. после окончания юридического факультета Ташкентского государственного университета по распределению приехала в Барнаул на работу в прокуратуру Алтайского края. Из Барнаула ее направили в с. Сростки, в районную прокуратуру. Молодой следователь снимала комнату в доме родителей отчима В. М. Шукшина, П. Н. Куксина. Дом Куксиных находился по соседству с домом матери будущего писателя. В. М. Шукшин 17 декабря 1952 г. был досрочно демобилизован из рядов ВМФ СССР и уже 26 декабря вернулся в Сростки. В этот же день произошло и его знакомство с М. С. Якутиной. Потом молодые люди часто бывали в одной компании, и, как заявляет М. С. Якутина, Шукшин испытывал к ней романтические чувства и даже пытался ухаживать. В Сростках М. С. Якутина проработала до конца 1953 г., после чего была переведена в Барнаул и больше с В. М. Шукшиным не виделась. В 1955 г. она по семейным обстоятельствам вернулась в Ташкент, где проживает до сих пор.

Возобновить знакомство с Шукшиным, пусть и заочное, Майю Семеновну заставило следующее обстоятельство. В 1972 г. в октябрьском номере журнала «Наш современник» был напечатан рассказ В. М. Шукшина «Страдания молодого Ваганова». Одним из персонажей рассказа стала... Майя Якутина, по профессии юрист. Майя Семеновна написала письмо В. М. Шукшину на «Мосфильм», в котором посетовала на использование ее имени для литературного персонажа, не вызывающего симпатии читателя. Завязалась переписка, составившая цикл из трех писем, которая продолжалась вплоть до скоропостижной смерти Шукшина, последовавшей 2 октября 1974 г. (последнее письмо к М. С. Якутиной написано им 27 сентября 1974 г. и получено адресатом уже после кончины автора).

Впервые письма В. М. Шукшина к М. С. Якутиной были опубликованы в составе статьи директора ВММЗ В. М. Шукшина в Сростках Л. А. Чудновой [2018]. Этот материал стал основой для ряда публикаций в СМИ барнаульского журналиста и писателя С. А. Теплякова (см., например, [Тепляков, 2019]). В данных работах достаточно подробно представлены история переписки, биографические сведения о М. С. Якутиной, намечены интертекстуальные связи с художественными произведениями Шукшина. Однако у текстолога к ним не могут не возникнуть некоторые замечания: не всегда соблюдаются авторские орфография и пунктуация, разбивка на абзацы, нерегулярно происходит расшифровка шукшинских сокращений. Наконец, никто из упомянутых авторов не обратил внимания читателей на цвет чернил, которыми написаны письма. Между тем каждое из трех писем написано чернилами разных цветов: черными, зелеными и красными. На наш взгляд, эта графическая особенность имеет значение для интерпретации текста писем и должна находить отражение как при их публикации, так и в случае музейного экспонирования. Напомним, что в лингвистической литературе подобные средства шрифтового, цветового и т. п. выделения и варьирования называются параграфемными элементами (см., например, [Григорьева, 2003]).

Следующие доводы позволяют нам предположить особую роль цвета чернил (или изменения цвета чернил) при описании и исследовании эпистолярия Шукшина. Во-первых, абсолютное большинство его писем, известных исследовате-

лям, написаны синими или черными чернилами¹. При этом писатель нередко использовал красную пасту в черновиках и рабочих тетрадях. Например, красными чернилами написана часть текста «Сокровенного рассказа» в рабочей тетради, начатой, как следует из авторской пометы на форзаце, в августе 1971 г. в Ленинграде², некоторые рабочие записи и стихотворение «Музы» в тетради 1961 г. Но для писем Шукшина «цветные» чернила – редкость. Можно предположить, что смена цвета чернил в эпистолярном цикле к М. С. Якутиной – не игра случая и не следствие «полевых условий» киноэкспедиции. Все письма цикла написаны в период съемок х/ф «Они сражались за Родину», в р. п. Клетский, охватывают два месяца, т. е. имеют одно место отправления и ограничены одним периодом. В этих условиях тот факт, что первое письмо написано черной пастой, свидетельствует, пусть и косвенно, о том, что прибегнуть к использованию обычного для своего эпистолярия цвету чернил Шукшин мог и в остальных письмах цикла. С большой вероятностью можно сказать: выбор цвета пасты у Шукшина был.

О том, что Шукшин параграфическим элементам в своих письмах к Якутиной мог придавать особое значение, свидетельствует и такой факт. Известному нам сейчас циклу из трех писем предшествовало письмо В. М. Шукшина М. С. Якутиной, написанное им летом 1954 г. (утраченное). Об этом упоминает сам писатель и кинорежиссер в первом письме цикла от 7 августа 1974 г.: «Помните, я писал Вам в Барнаул (в 1954 г.)?»³. М. С. Якутина спустя 65 лет вспоминала, что представляло собой это письмо: «В письме был только рисунок: девушка стоит, а парень на коленях тянет к ней руки. И все. Я так поняла, что это было объяснение. <...> Но я в это время уже собиралась замуж выходить и ему не ответила...» [Тепляков, 2019, с. 204]. Заметим, что в эпистолярии Шукшина имеются примеры писем с графическими рисунками. Например, одно из писем к В. А. Софроновой (февраль 1966 г.) [Шукшин, 2014, т. 8, с. 256] в финале содержит рисунок ребенка (очевидно, старшей дочери писателя Е. В. Шукшиной, о дне рождения которой и идет речь в письме).

Итак, цикл писем В. М. Шукшина к М. С. Якутиной включает в себя три письма. Объединить их в цикл позволяет не только единство адресата, но и тематическая общность, регулярные отсылки из более поздних писем к предыдущим. Два из них имеют авторскую датировку. Все имеют одно и то же место отправления: р. п. Клетский Волгоградской области, где находилась база группы «Мосфильма», участвовавшей в съемках х/ф «Они сражались за Родину».

Первое письмо⁴ датировано самим В. М. Шукшиным: 7 авг.<уста> <19>74 <года>. Оно написано **черными** чернилами. Черные чернила являются наиболее распространенным цветом, используемым для печати книг, газет и документов, поскольку они обеспечивают максимальный контраст с белой бумагой и, следовательно, это самый «легкий» цвет для чтения. Соответственно и содержание первого письма цикла носит общий характер, где автор не сообщает о себе никаких сведений (кроме почтового адреса), напротив, сам задает Якутиной целый ряд вопросов биографического характера, тоже весьма общих, «анкетных»: «Майя, охота узнать о Вашей жизни (сколько сочтете нужным рассказать), о работе, о семье, словом мне интересно все – вся судьба. <...> Если дождусь от Вас пись-

¹ В данной статье слова «чернила» и «паста» (в значении пастообразных чернил для шариковой ручки, т.н. «чернильная паста») используются как синонимы.

² ВММЗВШ. ОФ. 9301.

³ Там же. ОФ. 14760. Л. 1.

⁴ Там же. ОФ. 14760.

ма, сам потом расскажу о себе»⁵. Это первая реакция Шукшина на появление в его жизни человека из прошлого, его первый шаг к зарождающемуся диалогу. Письмо, по сути, выполняет задачу восстановления прерванной 20 лет назад коммуникации. «Вы задержались с ответом на... 20 лет»⁶, – укоряет в начале письма Якутину Шукшин.

Второе письмо⁷ цикла написано **зелеными** чернилами. Письмо не имеет авторской датировки, но содержание позволяет установить, что оно было написано во второй половине августа – первой половине сентября 1974 г. Шукшин уже в начале письма делает акцент на использовании зеленого цвета чернил: «Здравствуйте, Майя! Спасибо большое за письмо. Грустно мне стало... Там одна фраза есть – “а жизнь уже прожита”. Я было ринулся сразу протестовать и... опустил руку с шариковой авторучкой (с зеленой пастой). И задумался»⁸. И дальше вновь: «Вот – я поднимаю руку и пишу зеленой пастой: это не так. Это еще не конец, это добрая середина – на том и условимся»⁹. Данные цитаты удивительно точно перекликаются с одной из недатированных рабочих записей Шукшина:

И что же – смерть?
А листья зеленые.
(И чернила зеленые.)
[Шукшин, 2014, т. 8, с. 321].

Зеленый – символ весны, продолжения жизни, бессмертия [Шейнина, 2003, с. 362]. Весна – любимое время года Шукшина. «Для писателя и для всех его героев “весна – начало всех начал”» [Куляпин, 2006, с. 85]. Подобная символика реализована Шукшиным в целом ряде произведений: «Шире шаг, маэстро!», «Степка», «Я пришел дать вам волю», «Калина красная» и др. Зеленый цвет листьев – символ отрицания смерти, по аналогии с которым зеленый цвет чернил – символ обретения вечной жизни через творчество. В письме к М. С. Якутиной зеленый цвет чернил – символ надежды, веры в активное и творчески продуктивное продолжение жизни.

В письме Шукшин впервые в цикле обращается к воспоминаниям о прошлом, днях своей молодости, рассказывает о первой женитьбе (на М. И. Шумской): «И я тоже женился в 1955 году в Сростках (на каникулах) и целые каникулы был женатым человеком. Потом мы поняли, что сотворили вместе с женой величайшую глупость – и разошлись. И, как показала жизнь, правильно поступили, ибо по-настоящему я смог (получил возможность) сделать это только через 10 лет. Все оказалось куда как сложнее, чем я это воображал у себя в деревне в 1954 г.»¹⁰. Автор открывается своему корреспонденту. Письма наполняются искренними чувствами, реальными фактами биографии писателя и их субъективной оценкой.

В этом письме содержится ключ к семиотике цвета чернил следующего, третьего, письма. В заключительной части письма Шукшин пишет: «Майя, а знаете, Аня-то Гилева умерла тоже. Так меня тогда ее смерть по сердцу ударила. Я до сих пор ее песню помню: “Мне снились алые, сны небывалые...” Я написал роман

⁵ ВММЗВШ. ОФ. 14760. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. ОФ. 14762.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 2.

о Степане Разине (в этом году он выйдет отдельным изданием), и вот там Разин видит красный сон¹¹. И – накануне гибели»¹². Отметим, что «красный сон», имеющий семантику смерти, – образ, повторяющийся в творчестве Шукшина, а потому устойчивый. Впервые он встречается уже в раннем произведении – в романе «Любавины» (1965). «Красные сны» видит в горячке Егор Любавин после убийства Яши Горячего: «Мерещились Егору какие-то странные, красные сны... Разнимали в небе огромный красный полог, и из-за него шли и шли большие уродливые люди. Они вихлялись, размахивали руками. Лиц у них не было, и не слышно было, что они смеются, но Егор понимал это: они смеялись. Становилось жутко: он хотел уйти куда-нибудь от этих людей, а они все шли и шли на него, Егор вскрикивал и шевелился; на лице отображались ужас и страдание» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 193].

Красный цвет в семиотике традиционно имеет амбивалентное значение: это и цвет любви, красоты, силы, богатства, и в то же время цвет крови, жертвы, востанья, стыда, бесчестия, убытка (потери) [Шейнина, 2003, с. 365–366].

Тема смерти, как мы говорили ранее, Шукшиным затронута уже в самом начале письма. Несмотря на мажорные утверждения и зеленый, жизнеутверждающий цвет чернил, в финале письма он вновь к ней обращается. Мортальная семантика присутствует не только в письмах Шукшина начала 1970-х гг., но и в рабочих записях этого периода («Истинно свободен тот, кто не боится смерти», «Силы, силы уходят. Не думал, что это когда-нибудь произойдет со мной. Ужасно грустно. В башке полно замыслов» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 317, 328]).

Символика сновидений, очевидно, имела большое значение для Шукшина. Интерес к ней нашел отражение не только в рабочих записях писателя, но и в его художественном творчестве (см., например, литературный сценарий «Посевная кампания» (1960) (сны видят оба секретаря райкома – Ивлев: «<...> сон видел. Будто мы с тобой переходящее знамя получили...» [Там же, т. 1, с. 254], и Байкалов, сну которого посвящен отдельный эпизод [Там же, с. 264], <Литературный сценарий о селе Сростки> (1970) или рассказы разных лет «Степка» (1964), «Сны матери» (1973) и др.).

По верному замечанию С. М. Козловой, в рассказе «Сны матери» содержанием снов матери писателя «является народная эсхатология, отраженные в сновидческих образах представления русской крестьянки о смерти и бессмертии. Шукшин актуализирует в них ценность самобытного народного мирозерцания на сломе двух семиотических эпох, религиозно-христианской и советской – атеистической» [Козлова, 2007, с. 257]. Вместе с тем Шукшин в рассказе «переводит эсхатологическую проблему в гностический вопрос о границах человеческого всеведения» [Там же]. Темы смерти и бессмертия, болезни, предвидения судьбы воплощены в целом ряде шукшинских рабочих записей, причем самых ранних (1961 г.): «В ночь с 15 на 16 августа 1961 г. сон о Наташе и о маме», с которой в рабочей тетради соседствуют другие записи, объединенные тематикой сновидения: «Опять сон о родных» (очевидно, в дополнение к рассматриваемой нами записи); «Понял почему, когда заболеешь, – во сне то и дело видишь родных: ты болеешь – они о тебе беспокоятся, они беспокоятся – ты беспокоишься. Круг» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 312–313]. Одна из таких записей имеет даже авторскую

¹¹ Красный сон Разина см., например, [Шукшин, 2014, т. 4, с. 273].

¹² ВММЗВШ. ОФ. 14762. Л. 2.

датировку (что нехарактерно для Шукшина), превращаясь, по сути, в дневниковую:

(10 августа 1961)

Сон видел:

Кто-то, не помню уже кто, (мы будто бы собираемся куда-то) говорит:

– А Володю Китайского позовем?

Я смотрю с изумлением на говорящего.

– Володю?

– Да.

– Так Володя же... – Мне трудно произнести, что Володи же нет в живых (Володя повесился).

На меня смотрят и улыбаются значительно.

– Жив Володя, только... Он не хочет объявляться¹³. Он далеко. Но он жив [Шукшин, 2014, т. 8, с. 313].

Истоки особого внимания В. М. Шукшина к семиотике сновидений, возможно, следует искать в мировоззрении матери писателя. В опубликованных письмах М. С. Куксиной к сыну обращение к сюжетам и истолкованию сновидений встречается не раз. Как правило, «вещные сны» матери – тревожные, это сны, предзнаменующие болезнь сына. Например, как в этом письме без даты (после 1968 г.): «Сегодня вижу такой сон, ты, сынок, болеешь – не рассказываете, я, думаю, не ошиблась. Ох, ты, Господи, с ума сойдешь с этой думы. Дитёнок, если заболел – брось все и лечись, а отдохнуть можно сюда приехать, там – не дадут, без конца и едут, и едут» [Шукшин, 1999, с. 387]. Или в письме, датированном февралем 1974 г.: «Вот вчера написала поздравления, сегодня, 26, вижу нехороший сон. Как будто у меня полный стол сала, шпика, жир один. Я сама ем, и тебе, сынок, две пластушины отрезала. Ты бы в баню пошел, а сам сало ешь и ешь. Я думаю, он ведь не любит сало, а сейчас ест. Проснулась, смутил меня этот сон. Знаю, что он нехороший, к болезни, родные мои» [Там же, с. 391].

Внимание к снам, их прогностическому потенциалу реализовано и в шукшинском эпистолярии. Уже в самом первом дошедшем до нас письме В. М. Шукшина актуализирована тема сновидений: «Видел сегодня тебя во сне, проснулся и вспомнил, что скоро день твоего Ангела» (к М. С. Куксиной, октябрь 1949 г.) [Шукшин, 2014, т. 8, с. 214]. Однако, в отличие от рассказов или рабочих записей, в письмах отражены лишь позитивные моменты. Вот несколько примеров: «Катю (т. е. Е. В. Шукшину. – Д. М.) во сне часто вижу. Сны спокойные, проснусь и ищу ее рядом с собой. Всё мне кажется, она лежит у меня на руке» (В. А. Софроновой, февраль 1966 г.); «Я опять видел тебя во сне. И вот встаю рано и сижу думаю. И боюсь этого сна, потому что один раз я тебя тоже видел во сне, и ты тогда заболела. Но теперь я тебя видел очень хорошо: ты отвечала урок по русской литературе. Ты звонко читала за партой:

Мороз и солнце – день прекрасный,

Еще ты дремлешь, друг прекрасный.

А я будто сидел в том же классе и слушал. И очень был рад за тебя и горд» (Е. В. Шукшиной, май 1973 г.) [Там же, с. 255, 290–291].

В художественных текстах и рабочих записях Шукшина нашли отражение тревожные, отрицательные коннотации сновидений: беспокойство автора о здоровье

¹³ Авторская орфография сохранена.

родственников, разговор об умершем товарище и т. п. В письмах В. М. Шукшина это не всегда так: близким людям, родственникам автор сообщает лишь о положительных коннотациях сновидений, что не создает ответных негативных реакций. Однако во втором письме к М. С. Якутиной Шукшин прямо высказывает то, что его беспокоит: говорит об ушедшей молодости, смерти, умерших друзей юности.

В приведенном выше отрывке письма Шукшин неточно цитирует стихотворение «Гвоздика» (1912) популярного в начале XX в. поэта Александра Шириевца (Александра Васильевича Абрамова) (1887–1924), одного из ближайших друзей С. Есенина:

Гвоздики пряные, багряно-алые,
Вдыхал я вечером – дала их ты.
А ночью снились мне сны небывалые,
И снились алые цветы... цветы... <...>
(цит. по: [Койнова, 2012]).

Стихотворение Шириевца было положено на музыку неизвестным композитором, став популярным романсом. Романс «Гвоздики пряные» был хорошо известен в 1940–1950-х гг., звучал по радио, издавался на грампластинках. Искажение Шукшиным допущено, как нам кажется, не случайно и является весьма знаковым: ему нужно, чтобы **сны** были красными (а не цветы), что создает интертекстуальную переключку с романом «Я пришел дать вам волю» и, как следствие, аллюзии с темой смерти и ее преодоления.

Третье письмо цикла датировано автором: «27 сент.<ября 19> 74»¹⁴. Это одно из последних писем в жизни Шукшина: на следующий день – 28 сентября 1974 г. – он напишет последние письма к матери, М. С. Куксиной, и к сестре, Н. М. Зиновьевой. Все три письма будут получены адресатами уже после смерти автора.

Письмо к М. С. Якутиной от 27 сентября – самое большое по объему в цикле, оно написано на 4 страницах, в то время как остальные уместились каждое на двух. В своем последнем эпистолярном послании к М. С. Якутиной исповедальность В. М. Шукшина достигает максимума. Написано письмо **красными** чернилами, что в контексте предыдущего письма не может не нести особой семантики. Укажем еще на одно совпадение. Одним из последних рисунков Шукшина стал рисунок булавкой, обмакнутой в красный грим, сделанный писателем за день до смерти в примерной съемочной площадке х/ф «Они сражались за Родину» на пачке сигарет «Шипка». Рисунок по странному стечению обстоятельств изображал «горы, небо, дождь, ну, в общем, похороны» [Никулин, 1979, с. 253]. Шукшин продолжает начатый в первых двух письмах разговор о смерти, уходящей жизни: «Майя, а зря Вы не соглашаетесь, с тем, что мы пробежали только половину дистанции. Вы как хотите, а я буду считать, что нам еще жить да жить. Словом, я не сдаюсь»¹⁵.

В последнем письме к М. С. Якутиной автор впервые приводит воспоминания, связанные с ней: «Однажды я пришел к деду (к Вам), а в горнице был молодой человек в синей рубахе. Я почему-то растерялся и попросил у деда... пилу, которая мне была тогда так же нужна, как деду – Малая Советская энциклопедия! Это

¹⁴ ВММЗВШ. ОФ. 14761. Л. 4.

¹⁵ Там же. Л. 1.

было незадолго до вашего отъезда. Я, помнится, ушел тогда на Катунь, сел на берегу и долго сидел. Тяжело в такие минуты, но и учат они многому. Вдруг начинаешь чувствовать в себе силу – большой мир не пугает, больше того, возникает неодолимое желание идти в него и бороться. Многому меня научили горькие минуты, но лучше пусть их будет поменьше в жизни. Ну ее к черту, такую учебу!»¹⁶.

Нашлось здесь место и мыслям, которые занимали Шукшина в последний год жизни: «А как Вам мои “Энергичные люди”? Красавцы... Я думаю, что Вам по роду работы приходилось и приходится с такими иметь дело. Но страшны не они, Майя... С нами действительно что-то происходит»¹⁷. Последняя фраза – утвердительный вариант финального вопроса к читателю в рассказе «Кляуза» (1974), который сам Шукшин считал важнейшим в своем творчестве.

Однако семантика красного цвета в данном письме усложняется. В христианской традиции красный – это и цвет **покаяния** [Шейнина, 2003, с. 366]. Шукшин второй раз в цикле затрагивает тему первого брака и несложившейся семьи с М. И. Шумской. «Первая моя жена была – Мария Шумская. Я уже писал, что мы вместе сотворили глупость, вместе же и исправили ее. Впрочем, “исправили” тут не очень годится: такие “глупости” не исправляются, а так и остаются глупостями на всю жизнь. Мы как-то не подумали о самом простом: как же мы жить-то будем? Я в Москве (со студенческой пропиской, временной), она – в Сростках (с постоянной)... Что дальше? И ведь нам не по 17 лет было. Вот так... Я в Сростках прослыл каким-то трепачом и Дон Жуаном. Вообще, у меня потом возникли с земляками очень сложные отношения, не всегда добрые»¹⁸. Очевидно, что спустя многие годы эта тема для него остается эмоционально релевантной. Шукшин чувствовал вину перед М. И. Шумской, и в его словах ощущается стремление избавиться от этой вины. А. Д. Заболоцкий вспоминает: «Он (т. е. Шукшин. – Д. М.) говорил, что одну женщину обманул он, остальные обманывали его» [Заболоцкий, 2014, с. 36].

Проведенный анализ, как нам кажется, вполне убедительно доказывает, что такой компонент графического оформления эпистолярного текста, как цвет чернил, может быть существенным элементом его интерпретации и презентации. Заметим, что в отечественной текстологии нет однозначного решения вопроса о роли графических средств в презентации эпистолярных текстов. Например, А. Л. Гришунин считал, что первая публикация эпистолярного памятника должна быть факсимильной и, более того, быть абсолютно точным воспроизведением подлинника. «Это тот особый вид научной публикации, которую следует сопровождать палеографическим описанием документа, сведениями о том, как и где он был обнаружен, о месте его хранения, шифре и указании фонда. Такая публикация таит в себе возможности будущих разысканий и находок» (цит. по: [Рузанова, 1965, с. 216]).

Развивая мысль ведущего отечественного текстолога и опираясь на данные проведенного анализа эпистолярного цикла В. М. Шукшина к М. С. Якутиной, считаем, что в случае первой публикации значимых эпистолярных текстов необходимо прилагать их факсимиле, а в комментарии указывать на цвет чернил и / или другие параграфемные элементы (средство / способ: шариковая ручка, карандаш, напечатано на машинке / принтере, наличие рисунков, вид бумаги – пис-

¹⁶ ВММЗВШ. ОФ. 14761. Л. 2.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 1.

чая, для рисования и т. д.). Например, Шукшин в письме к матери периода учебы во ВГИКе [Шукшин, 2014, т. 8, с. 233] использует клочок листа из ученической тетради «в клеточку», что может свидетельствовать о срочности, критической ситуации, в которой он писал. В случае если в музее по каким-либо причинам экспонируются не оригиналы, а фотокопии писем, то следует использовать цветные фотокопии.

Список литературы

- Григорьева Т. М.* Параграфемные явления в современном русском письме // Язык, культура, коммуникация: аспекты взаимодействия. Научно-методический бюллетень / Под ред. И. В. Пекарской. Абакан: Хак. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2003. Вып. 1. С. 68–76.
- Заболоцкий А. Д.* Не сыграть, а прожить [Интервьюер И. Воробьева] // Покров. 2014. № 10 (526). С. 32–37.
- Козлова С. М.* Сны матери // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 256–258.
- Койнова Е. Г.* О романсе А. В. Ширяевца «Гвоздики пряные, багряно-алые...» // Мир Есенина. 2012. URL: <http://zinin-mirgesenina.narod.ru/2012.html> (дата обращения 01.09.2021).
- Куляпин А. И.* Времена года // Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2006. Т. 2. С. 85–87.
- Никулин Ю.* На Дону // О Шукшине. Экран и жизнь. М.: Искусство, 1979. С. 247–253.
- Рузанова С.* Специфика эпистолярных изданий // Вопросы литературы. 1965. № 6. С. 214–217.
- Тепляков С.* Та самая Майя Якутина // Алтай. 2019. № 2. С. 198–208.
- Чуднова Л.* «Вы задержались с ответом на... 20 лет». Неизвестные письма В. М. Шукшина // Бийский вестник. 2018. № 2. URL: <http://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/vy-zaderzhalis-s-otvetom-na-20-let> (дата обращения 01.09.2021).
- Шейнина Е. Я.* Энциклопедия символов. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2003. 591 с.
- Шукшин В. М.* Надеюсь и верую: Рассказы. Киноповесть «Калина красная». Письма. Воспоминания. М.: Воскресенье, 1999. 512 с.
- Шукшин В. М.* Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

Список источников

- Письмо В. М. Шукшина к М. С. Якутиной от 7 августа 1974 г. // Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина (ВММЗВШ). ОФ. 14760. Л. 1, 2.
- Письмо В. М. Шукшина к М. С. Якутиной <август – сентябрь> 1974 г. // ВММЗВШ. ОФ. 14762. Л. 1, 2.
- Письмо В. М. Шукшина к М. С. Якутиной от 27 сентября 1974 г. // ВММЗВШ. ОФ. 14761. Л. 1–4.

References

- Chudnova L. “Vy zaderzhalis’ s otvetom na... 20 let”. Neizvestnye pis'ma V. M. Shukshina [“You were late with the answer for... 20 years.” Unknown letters

of V. M. Shukshin]. *Biyskiy Vestnik*. 2018, no. 2. URL: <http://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/vy-zaderzhalis-s-otvetom-na-20-let> (accessed: 01.09.2021).

Grigor'eva T. M. Paragrafemnye yavleniya v sovremennom russkom pis'me [Paragraphemic phenomena in modern Russian writing]. In: *Yazyk, kul'tura, kommunika-tsiya: aspekty vzaimodeystviya. Nauchno-metodicheskiy byulleten'* [Language, culture, communication: aspects of interaction. Scientific-methodical bulletin]. I. V. Pekarskaya (Ed.). Abakan, KhSU, 2003, iss. 1, pp. 68–76.

Koynova E. G. O romanse A. V. Shiryaevtsa “Gvozdiki pryanye, bagryano-alye...” [About A. V. Shiryaevets' romance “Spicy carnations, crimson-scarlet...”]. In: *Mir Esenina* [The world of Yesenin]. 2012. URL: <http://zinin-miresenina.narod.ru/2012.html> (accessed: 01.09.2021).

Kozlova S. M. Sny materi [Dreams of a mother]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU Publ., 2007, vol. 3, pp. 256–258.

Kulyapin A. I. Vremena goda [Seasons]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference]. Barnaul, AltSU Publ., 2006, vol. 2, pp. 85–87.

Nikulin Yu. Na Donu [On Don]. In: *O Shukshine. Ekran i zhizn'* [About Shukshin. Cinema and life]. Moscow, Iskusstvo, 1979, pp. 247–253.

Ruzanova S. Spetsifika epistolyarnykh izdaniy [Specificity of epistolary editions]. *Voprosy literatury*. 1965, no. 6, pp. 214–217.

Sheynina E. Ya. *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow, AST, Khar'kov, Torsing, 2003, 591 p.

Shukshin V. M. *Nadeyus' i veruyu: Rasskazy. Kinopovest' “Kalina krasnaya”*. *Pis'ma. Vospominaniya* [I hope and believe: Stories. The short story “Kalina Krasnaya”]. Moscow, Voskresen'ye, 1999, 512 p.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. D. V. Mar'in (Ed.). Barnaul, “Barnaul” Publ. House, 2014.

Tepliyakov S. Ta samaya Mayya Yakutina [That very Maya Yakutina]. *Altay*. 2019, no. 2, pp. 198–208.

Zabolotskiy A. D. Ne sygrat', a prozhit' [Not to play, but to live]. I. Vorob'eva (Interviewer). *Pokrov*. 2014, no.10 (526), pp. 32–37.

List of sources

Pis'mo V. M. Shukshina k M. S. Yakutinoy ot 7 avgusta 1974 g. [Letter from V. M. Shukshin to M. S. Yakutina dated 7 August 1974]. In: *Vserossiyskiy memorial'nyy muzey-zapovednik V. M. Shukshina* [All-Russian memorial museum-reserve of V. M. Shukshin]. OF. 14760, L. 1, 2.

Pis'mo V. M. Shukshina k M. S. Yakutinoy <avgust – sentyabr'> 1974 g. [Letter from V. M. Shukshin to M. S. Yakutina <August - September> 1974]. In: *Vserossiyskiy memorial'nyy muzey-zapovednik V. M. Shukshina* [All-Russian memorial museum-reserve of V. M. Shukshin]. OF. 14762, L. 1, 2.

Pis'mo V. M. Shukshina k M. S. Yakutinoy ot 27 sentyabrya 1974 g. [Letter from V. M. Shukshin to M. S. Yakutina dated 27 September 1974]. In: *Vserossiyskiy memorial'nyy muzey-zapovednik V. M. Shukshina* [All-Russian memorial museum-reserve of V. M. Shukshin]. OF. 14761, L. 1–4.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Марьин, доктор филологических наук, доцент

Information about the author

Dmitrij V. Maryin, Doctor of Philology, Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 16.09.2021;
одобрена после рецензирования 13.12.2021; принята к публикации 13.12.2021
The article was submitted 16.09.2021;
approved after reviewing 13.12.2021; accepted for publication 13.12.2021*